

Сказка о семи Семионах, родных братьях

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помощью в работе. И молятся они год, молятся другой, молятся третий и молятся четвертый, молятся пятый и молятся шестой, а не вымолят ни единого детища; однако чрез семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых назвали всех Семионами. И когда старик со старухой умерли, то остались Семионы сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали свое поле уже сами, и не уступали своим соседям.

В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавец всей той области, и увидел работающих на поле семи Семионов. Он весьма удивился, что такие малые ребята пашут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семионам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжелую работу? На то ему ответ держал старший Семион, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказали, что всех их зовут Семионами. Боярин пошел от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько много родных братьев называются одним именем, для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семионов с собою.

Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совета таковыми словесами: «Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников, я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или художество мне их отдать должно учиться?» На сие отвечали все так: «Милостивейший государь! Как теперь уже они на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или художество пожелает пуститься».

Царь принял сей ответ с радостию и начал большого Семиона спрашивать: «Слушай, друг мой, в какую науку или художество пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам». Семион на то ему отвечал: «Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не желаю, а ежели

бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба». Царь, видя, что этого Семиона учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает, однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу. Потом спрашивал другого Семиона: «А ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь, то в такую я тебя и отдам». На сие Семион ему сказал: «Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не хочу, а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается». Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так мудрен. После спрашивал третьего Семиона: «Ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь?» Семион на то ему сказал: «Ваше величество! Я никакой науке, ни художеству учиться не хочу, а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, то я тем топором тяп-ляп, тотчас бы сделал корабль». Царь на то ему сказал: «О! Мне корабельные мастера надобны. Итак, и тебя иному учить уже больше не должно». Потом спросил он четвертого Семиона: «Ты, Семион, какой науке и художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество,— сказал ему на то он, — я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал корабль, и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я корабль взял за нос и повел бы его в подземельное государство, а когда бы неприятель ушел прочь, то б тогда я опять корабль вывел на море». Царь удивился таким великим четвертого Семиона чудесам и сказал ему: «И тебя учить не надобно». Потом спросил пятого Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Я ничему учиться не желаю, ваше величество! — сказал Семион. — А ежели большой мой брат скует мне ружье, то я тем ружьем, ежели увижу хоть как далеко птицу, хотя бы она была за сто верст, но только в моем виду, то я ее подстрелю». — «Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец», — сказал ему царь. После спросил шестого Семиона: «Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?» — «Ваше величество! — сказал ему Семион. — Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я ее до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе». — «Великий ты у меня вместо легавой собаки в поле служить можешь». После спросил царь последнего Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество! — отвечал ему он. — Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое». — «Да какое ж ты имеешь ремесло? — спросил

его царь. — Скажи мне, пожалуй!» — «Я хорошо умею воровать, — сказал ему Семион, — да и так, что никто против меня не сворует».

Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам: «Господа мои! Чем присоветуете мне наказать сего вора Семиона, и скажите, какую казнию казнить его должно?» — «Ваше величество! — сказали ему все они, — на что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет вам надобен». — «Да почему это?» — спросил царь. «А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаете себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали, а этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдет». Царь на то им сказал: «Друзья мои, вы правду мне говорите». Потом обернулся он к Семиону-вору и ему сказал: «Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в нее весьма крепко влюблен, и ежели ты мне ее украдешь, то я тебе сделаю великое награждение». — «Это наше дело, ваше величество, — отвечал седьмой Семион, — и я вам ее, ежели только прикажете, украду». — «Не только чтобы тебе приказывать, — сказал ему царь, — но я еще о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моем и бери себе силы войска и золотой казны, сколько тебе надобно». — «Мне ни силы твоей, ни войска, ни золотой казны не надобно. Отпусти нас всех братьев вместе, а я тебе царевну Елену Прекрасную достану, без того ж нельзя». Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако хотя то и жалко ему было, но принужден был отпустить их всех вместе.

Между тем кузница на царском дворе была построена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору: «Ваше величество! Как за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается». Тогда царь еще больше красотою ее прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом: «Друзья мои! Отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без царевны Елены Прекрасной!» Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому — ружье; и после того взяли с собою несколько хлеба на дорогу, а Семион-вор взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку же ту Семион-вор так к себе приручил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели когда он

останавливался на дороге или в ином каком месте, то та кошка становилась на задние лапы, а потом терлась около его и мурныкала.

И так, шли они путем-дорогою несколько времени и, наконец пришли к морю, чрез которое надобно было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нем же тяп да ляп — тотчас сделал корабль, который стал быть оснащен, а в корабле очутились разные драгие и драгоценные товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь, и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, тотчас бросили якорь.

На другой день Семион-вор взял свою кошку и пошел в город и, пришедши к царскому дворцу, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то же самое время кошка села на задние лапы, а потом начала около его тереться и мурныкать. Надобно ж знать, что в том государстве совсем не знали и не слыхивали, что есть за зверь кошка. Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверек, что не продаст ли он его и что ежели продаст, то какую за него просить цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона именем царевны Елены Прекрасной: «Какой это у тебя зверек, и не продашь ли ты его?» Семион на то им отвечал: «Государыни мои! Извольте доложить ее величеству Елене Прекрасной, что этот зверек называется кошкою и что я его не продаю, а ежели ее высочество пожелает этого зверька иметь у себя, то я оною ей дарую без всякой платы». Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, то услыша, и выбежала сама из палат и спрашивала Семиона, не продаст ли он кошки? Семион и ей сказал: «Ваше высочество! Я сию кошку не продаю, а если она вам угодна, то я ее вам дарую». Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке царю Саргу, и показала ему кошку, и сказала, что ей подарил некакой чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора. Когда же он к нему пришел, то царь хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него ничего, то царь ему сказал: «Друг мой! Живи покуда в моем доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери». На сие Семион также не согласился и сказал царю: «Ваше

величество! Я бы с радостью великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому, а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери».

Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал: «Милостивая государыня, ваше высочество! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться ходить не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловать изволили, а я бы показал вам такие дорогие парчи и прочие товары, которых вы никогда еще не видывали». Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек. Царевна тотчас взяла нянюшек и мамушек и пошла с Семионом. Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, а когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные товары. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной: «Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть». Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, а как скоро сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на всех парусах, а сам между тем начал царевне развертывать некоторые товары, из которых и подарил ее некоторыми.

Времени прошло уже часа с два, как он показывал царевне свои товары, и наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти потому, что царь, ее отец, дожидаться ее будет обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже совсем почти не было видно. Тогда она, ударив себя в грудь, вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас свое ружье и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды ее не допустил и принес ее опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею. Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалил от берега и с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане. Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвертый Семион взял свой корабль за нос и увел его в подземное государство. Когда же корабля совсем не стало видно, то флот, увидя, как оный ушел на дно, думал, что корабль потонул и с царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратился назад и донес царю Саргу, что Семионов корабль и с Еленою Прекрасною потонул. Семионы же, прибыв

благополучно в свое государство, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семионов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно золота и серебра и драгоценного камня, а сам женился на прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.